

Три десятилетия имя Тани, встречи с ней, чаепития в уютном доме этнографа, короткие и редкие письма к нам, встречи в Музее на Неве, книги, статьи Татьяны Александровны, ее содержательные, образные рассказы об экспедициях, людях северных широт, северных обрядах, последняя книга о поморах — много и мало... до боли мало, из того, что отдано Таней всем любящим и помнящим ее.

Карадаг — 2009
Санкт-Петербург — 8 февраля 2010

Протоиерей Виктор

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

С Татьяной Александровной Бернштам (11. XI. 1935 — 13. IV. 2008) я познакомился в конце 1990-х, когда служил в храме св. вмч. Димитрия Солунского в Коломягах. Сначала я познакомился с ее мужем Александром Васильевичем Корниенко. Он обратил на себя мое внимание глубоким молитвенным чувством и благоговейным отношением к храму. Александр неоднократно приходил сначала ко мне на исповедь, и от исповеди к исповеди мы с ним духовно становились все ближе и ближе. Какого-либо специального высшего образования он не имел, но очень интересовался наукой, был начитанным, вдумчивым и вообще очень любознательным человеком. От него я узнал, что доктор исторических наук Бернштам, крупный ученый, этнограф и фольклорист, была автором 120 научных публикаций.

Немного позже стала приходиться ко мне исповедоваться и сама Татьяна Александровна, причем ее исповедь всегда отличалась глубиной покаянного чувства и твердым желанием исправить свою жизнь. Александр очень нежно и трепетно относился к «своей Танюше», как он любовно ее называл, и порой был первым слушателем и критиком ее научных публикаций. Но, к сожалению, Александр как-то быстро заболел и тихо угас. Татьяна Александровна очень тяжело перенесла эту утрату¹...

¹ Впоследствии одну из своих книг она посвятила его памяти.

Так и запечатлелся в моей памяти светлый образ Татьяны и ее супруга Александра, тихо и благоговейно молящихся у иконы святого вмч. Димитрия Солунского...

Впоследствии мне стало известно, что в научных кругах она имела большой авторитет и являлась крупнейшим специалистом в области изучения православных требников в приложении к возрастным категориям русского народа, этнической и этнокультурной истории, традиционной культуры, духовной жизни и фольклора русских / восточных славян. С ее именем связана целая эпоха в изучении духовной жизни и этнографии поморов Русского Севера. Ее работы отличались прекрасным русским языком, глубоким знанием изучаемой темы и новыми идеями.

Став убежденной христианкой, Татьяна Александровна открыла для научной общественности целый кладезь связанных с Православием новых тем, которые впоследствии оформились у нее в две монографии («Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве»), «Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии») и целый ряд статей под общим названием «Действительность и феномен: два взгляда на русскую (восточнославянскую) народную культуру».

Со временем наши личные отношения углубились. Позднее мы неоднократно встречались у нее дома. Т.А. Бернштам была очень хорошей хозяйкой и любила принимать и угощать гостей. За тихой беседой велись неторопливые разговоры о вере и православной культуре и обсуждались темы ее будущих книг.

Татьяна Александровна любила работать по старинке и все свои рукописи набирала на пишущей машинке, и когда я, как давний поклонник компьютерной техники, посоветовал ей приобрести хотя бы какой-нибудь «слабенький», недорогой компьютер, она сначала отказывалась от этого предложения, но когда со временем освоила компьютер, поняла, насколько он облегчил ее труд. Работала она самозабвенно и считала день потерянным, если из-под ее пера не появлялось ни одной строчки.

Не со всеми взглядами Татьяны Александровны я соглашался. В частности, с тем, что подзаголовок монографии «Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян» первоначально назывался «Учение и опыт Церкви в народном православии». Но исходя из многовековой истории христианства у восточно-славянских народов, разнообразных течений, влиявших на него, правильнее говорить о «*народном христианстве*». Мне удалось убедить Татьяну Александровну в том, что она рассуждает уж слишком «по-научному», а такой подход неприемлем для православия, где важнее глубокая вера. Татьяна Алек-

сандровна относилась к критике внимательно, все замечания принимала по-доброму и никогда не стыдилась признавать свои ошибки.

Т.А. Бернштам была первой, кто связал первый период христианизации славянства с протославянскими временами — до момента их выхода на историческую арену (I–VII века). Это означает, что христианизация сопутствовала самому формированию славянства. Она разделяла взгляд о связи и самой сути календарных праздников с церковно-богослужебным годом, так как они складывались в русле православных святцев.

Народная Русь всегда жила «по совести и по чести», что позволяло утверждать о «живом сознании постоянного присутствия Бога» в русском народе, даже если полноценной духовной жизнью жили немногие. Совесть русского народа подобна «опьянению добром» прп. Макария Египетского. Народная жажда «ведения Истины» и является тем самым универсальным алиби «народного христианства». «Жить по правде» — именно этот евангельский призыв на протяжении тысячи лет является невольной причиной самого феномена «народного христианства».

Народный быт, привязанный к христианским праздникам (Петрову посту, Юрьеву дню и т.д.), пословицы и поговорки нашли в ее работах выражение в степенях сравнения и христианских терминах. Все это требовало от Т.А. Бернштам рассмотрения знаковой системы православного мировосприятия всей восточно-славянской обрядности.

Спор о разрушении традиционной культуры восточного славянства с приходом христианского вероучения был приведен и проанализирован Т.А. Бернштам во «Вводной главе» ее монографии «Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве».

Последний раз мы встречались с ней в январе 2008 г. (как раз перед днем ее ангела), когда она, уже тяжело больная, лежала в Марининской больнице, где я ее исповедовал и напутствовал Святыми Христовыми Тайнами. Она очень глубоко исповедовалась и искренне каялась во всех своих грехах. От этой болезни оправиться она уже не смогла...

В моей памяти сохранился светлый образ Татьяны Александровны как доброй христианки, большого ученого, исследовательницы, обладавшей писательским чувством слова и прекрасно владевшей русским языком, и просто хорошего человека.